

Трансграничный памятник культуры эпос «Gesar» – нематериальное культурное наследие человечества

С.Г. Жамбалова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Республика Бурятия
zhambalovas@yandex.ru

Статья поступила 27.02.2020, принята 16.03.2020

Базируясь на литературных источниках русских и китайских исследователей, а также материалах сми, автор исследует историю включения в 2009 г. под эгидой КНР в Список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО эпоса «Gesar» и резонанс на это событие, прозвучавший в бурятских сми. Обобщенный анализ позволил сделать следующие выводы. Включение эпоса «Gesar» в Список является результатом целенаправленной политики КНР по сохранению и защите нематериального культурного наследия страны и, косвенно, мировым признанием уникальности всех вариантов эпоса, в том числе бурятских. В публикациях региональных сми оказались неправильно расставлены акценты: отсутствие эпоса «Гэсэр» в списках шедевров нематериального культурного наследия человечества – это проблема общественности, государственных органов и научного сообщества Бурятии и Иркутской области, а не КНР. Мировой опыт по включению нематериального культурного наследия в Список, приведенный в статье, может иметь практическое значение.

Ключевые слова: Gesar; Гэсэр; трансграничный памятник культуры; ЮНЕСКО; нематериальное культурное наследие; средства массовой информации.

Cross-border cultural monument the epos "Gesar" – an intangible cultural heritage of mankind

S.G. Zhambalova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS;
6, Sakhyanova St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia
zhambalovas@yandex.ru

Received 27.02.2020, accepted 16.03.2020

Based on the literary sources of Russian and Chinese researchers, as well as media materials, the author explores the history of inclusion in 2009 under the auspices of the People's Republic of China in the List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity of UNESCO the epos "Gesar" and the resonance to the event that was voiced in the Buryat mass media. The generalized analysis made it possible to draw the following conclusions. The inclusion of the epos "Gesar" on the list is the result of China's deliberate policy to preserve and protect the country's intangible cultural heritage and, indirectly, by the worldwide recognition of the uniqueness of all epos options, including the Buryat ones. The emphasis was incorrectly placed in the publications of regional media: the absence of the epos "Gesar" in the lists of masterpieces of the intangible cultural heritage of mankind is a problem for the public, government bodies and the scientific community of Buryatia and the Irkutsk region, and not the PRC. The world experience in including intangible cultural heritage in the List given in the article can be of practical importance.

Keywords: Gesar; cross-border cultural monument; UNESCO; intangible cultural heritage; media.

Цель статьи – исследовать, базируясь на литературных источниках русских и китайских исследователей, а также региональных материалах сми, историю включения под эгидой КНР в 2009 г. в Список нематериального культурного наследия (НКН) человечества ЮНЕСКО (в дальнейшем –

Список) трансграничного памятника культуры эпоса «Gesar» (Гесар, Гесер, Гезар, Кесар, Гэсэр) и резонанс на это событие в бурятских сми. В нашей стране эпос традиционно называется «Гэсэр», в Списке он значится, по европейской традиции, «Gesar», более близкой тибетской версии назва-

ния «Гесар, Гезар», поэтому, исходя из контекста, здесь употребляются эти названия.

Актуальность статьи обусловлена тем, что эпический памятник, широко известный бурятам, распространен также в Монголии, Тибете, Пакистане, Непале и др., а самые обширные его версии выявлены в Тибете [1, с. 453]. Трансграничное положение Бурятии и историческая принадлежность бурят к центральноазиатскому кочевому шаманистскому и буддистскому миру актуализирует тему — включение памятника в Список Китая косвенно является, с одной стороны, мировым признанием уникальности всех вариантов эпоса, в том числе бурятских, с другой, критическое отношение к событию журналистов также требует осмысления. История исследования эпоса в России и Китае переплетена уже много веков, при этом в советское время наблюдалось некоторое соперничество в этой области, вновь вспыхнувшее на региональном медийном уровне в постсоветский период, что также актуализирует изучение темы.

Гэсэр — персонаж тибетской мифологии, некоторых тюркских (салары, уйгуры, тувинцы, алтайцы) и тибето-бирманских народностей, а также мифологии монгольских народов, включая бурят (Абай Гэсэр). Гэсэр — герой эпических сказаний, первоначальное ядро которых сложилось в северо-восточном Тибете. Древнейшее ядро его образа — ниспосланный небом культурный герой, очищающий землю от чудовищ. В устной монгольской традиции за ним утвердилась репутация истребителя демонов и чудовищ. В Тибете и у монгольских народов были распространены поверья о причастности духа героя и его самого к исполнению эпической поэмы, о его особой связи с певцом. В культовой практике Гэсэр — универсальное охранительное божество, защитник стад, покровитель воинов, победитель демонов, податель счастливой судьбы [2, с. 297, 298].

8 августа 2009 г. лидер «Справедливой России» С.М. Миронов во время пребывания в Бурятии заявил, что партия готовит предложение для Министерства культуры РФ по подаче заявки в ЮНЕСКО для придания бурятскому героическому эпосу «Гэсэр» статуса «нематериального культурного наследия» [3]. По всей видимости, инициатива не получила развития. Пожелание партии изначально носило популистский характер и не подразумевало серьезных намерений — они не раз заявляли в прессе о необходимости включения в Список ЮНЕСКО различных памятников РФ.

На сегодняшний день в Списке числятся два памятника НКН РФ — «Культурное пространство и устное творчество семейских — старожилы Забайкалья» (2001, 2008) и якутский героический эпос «Олонхо» (2005, 2008). Ранее исследованная исто-

рия их включения в Список выявила, что реализация идеи — трудоемкая работа, требующая инициативы общественных организаций, серьезной работы государственных органов, тесного сотрудничества учреждений культуры с научными кадрами регионов [4, с. 57, 65, 66]. Кроме того, РФ не ратифицировала Конвенцию ЮНЕСКО о НКН, посчитав невозможным сохранять традиции, которые, с одной стороны, могут быть важны для самих народов, не обладающих письменностью, но, с другой стороны, демонстрируют для туристов различные практики и обряды, тормозящие развитие малых народов и вызывающие споры в обществе из-за их неприемлемости для соседних народов [5]. В РФ пока не принят закон о сохранении и развитии нематериального культурного наследия народов страны. Опережающие законы приняты в республиках Алтай (2008), Тыва (2013) и Татарстан (2017), 64 региона России приняли документы о нематериальной культуре [4, с. 61].

Концепция культурного наследия, введенная в оборот ЮНЕСКО в 1940–70-е гг., в РФ, как и в других посткоммунистических странах, стала практиковаться в конце XX в. [6]. Новая дефиниция «нематериальное культурное наследие» была введена в оборот ЮНЕСКО в 1999 г., а нормативная база для охраны наследия создавалась с 1973 г. Проект «Провозглашение шедевров устного и нематериального наследия» для выявления образцов, имеющих исключительную ценность, а также «наследия, над которым нависла угроза исчезновения», создан в 1999 г. [7]. Конвенция ООН об охране нематериального культурного наследия, появившаяся в 2003 г., вступила в законную силу в 2006 г. Однако РФ не ратифицировала ее — предложенные ею существенные поправки не были приняты [8].

12 декабря 1985 г. Китай ратифицировал Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия. Первые объекты занесены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО в 1987 г. По данным 2017 г., в нем значилось 52 наименования из страны, т. е. 4,6 % от общего числа (1 121 на 2019 г.). Из них 36 объектов внесены в список по культурным критериям, 12 — по природным, 4 — по смешанным [9]. В апреле 2004 г. страна присоединилась к Конвенции об охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, в 2006 г. впервые в истории Китая принята государственная программа развития сферы культуры на 11-ю пятилетку (2006–2010) со специальным разделом по культурному обновлению и защите национальной культуры. С октября 2006 г. в Пекине работает Всекитайский центр по охране НКН государственного значения. 25 февраля 2011 г. вступил в силу закон КНР о нематериальном культурном наследии, принятый постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей. Согласно это-

му закону все провинциальные правительства и госсовет обязаны составить списки объектов НКН, подлежащих охране. Накануне принятия закона были сформированы списки НКН из 870 тыс. объектов, 29 из них внесены в Репрезентативный список НКН человечества, 6 — в Список объектов, нуждающихся в срочной защите. В настоящее время страна занимает первое место в мире по количеству объектов, внесенных в Список. Оформление заявки для включения объекта в Список проходит три уровня рассмотрения: уездный, провинциальный и государственный [10, с. 10].

Закон Китая о НКН гласит, что данный тип наследия обладает следующими особенностями: неосязаемость; преемственность (накопление происходит благодаря исторической памяти и сознанию народа и межпоколенной трансляции); созидательный характер (они — результат деятельности человека, творение его труда и ума); содействие выражению чувств и эмоций; нуждающиеся в поддержке со стороны уполномоченных институтов; эластичность и подвижность (они постоянно изменяются с течением времени, в них привносятся новые элементы и содержание) [11, с. 327, 328]. Особенность государственной политики КНР по охране НКН страны в том, что этот тип наследия становится инструментом расширения китайского влияния в мире, способствует усилению потенциала «мягкой силы». Политическое значение сохранения НКН Китая таково: во-первых, его эффективная защита способствует отстаиванию государственного суверенитета, сохранению идентичности нации и обеспечению культурной безопасности в глобализирующемся мире; во-вторых, наличие мощного НКН позволяет уверенно вести себя на мировой арене, способствует налаживанию сотрудничества и коммуникации между народами [11, с. 325, 328].

С тех пор как Китай принял Конвенцию о НКН, по мнению Ли На, «уровень защищенности НКН в стране значительно возрос. Работа по защите НКН совершенствуется на фоне... развития науки и техники... и международного авторитета Китая. Под руководством правительства КНР она постепенно проходит процесс институционализации и легитимизации» [12, с. 121]. В имеющейся правовой базе охраны НКН исследователь выявляет также недоработки: «Закон о нематериальном культурном наследии, предоставляя основания для охраны НКН, несколько абстрактен, а его реализация затруднена из-за недостатка подробной регламентации и отсутствия механизма выполнения» [12, с. 122].

Как известно, официально в Китае 56 национальностей. Ханьцы составляют около 92 % населения страны, поэтому остальные народы называют национальными меньшинствами. К этой

группе относятся тибетцы, монголы, солары, уйгуры и другие народы, сохраняющие культурную память о «Gesar». Публикации в китайских СМИ свидетельствуют об особом внимании со стороны государства и общества к НКН этнических меньшинств страны. Благодаря такой политике изданы выдающиеся письменные памятники на языке оригинала: тибетский «Gesar», калмыцкий «Джангар», киргизский «Манас». Опубликованы 150-томная Энциклопедия тибетской культуры, около 2 тыс. научных работ и монографий по вопросам истории и культуры национальных меньшинств, открываются музеи [13, с. 123]. Как видно, Китай проводит целенаправленную работу по охране и защите НКН всех народов страны, в том числе национальных меньшинств. На этом фоне внесение эпоса «Gesar» в Список является логическим результатом многолетней работы государства и общественности. Эпос официально включен в Список в сентябре 2009 г.

Бурятский эпос «Гэсэр» изучается на высоком научном уровне на протяжении нескольких веков, однако задачи по его включению в Список никогда не ставились на серьезном общественном и государственном уровне. Зато информация о включении «Gesar» в Список Китая вызвала резонанс в СМИ Бурятии. Публикация в газете «Информполис» от 22 января 2010 г., появившаяся в результате информации, переданной Иркутским ВГТРК, называется «Китай намерен “присвоить” героический эпос народов Центральной Азии “Гэсэр”» и, кстати, помещена в разделе «Досут» [14]. Ко времени ее выхода эпос уже несколько месяцев значился в Списке. Публикация утверждает: «Эпический герой бурят, монголов, жителей Тибета Гэсэр популярен у народов Центральной Азии... И неожиданно только своим его стали считать китайцы. КНР от своего имени подала заявку на внесение эпоса в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Это значит, что “Гэсэр” будет считаться исключительно китайским достоянием. Буряты Иркутской области забеспокоились <...> В российском представительстве ЮНЕСКО говорят, что бурятский народ может также подать заявку на включение “Гэсэра” в Список нематериального культурного наследия. Для этого нужно собрать немалый пакет документов» [14].

В мировой практике имеются подобные прецеденты. Например, наряду с народным эпосом «Gesar», в 2009 г. Китай включил в Список киргизский эпос «Манас». Под эгидой Киргизии в декабре 2013 г. внесена в Список эпическая трилогия «Манас. Семетей. Сейтек», повествующая о жизни и деяниях богатыря Манаса, объединившего разрозненные племена киргизов в единую нацию, а также его сына Семетея и внука Сейтека [15]. Другой пример. В 2009 г. по заявке Китая в Список

внесена «Монгольская техника пения *хоомей*», а в 2010 Монголия ввела «Традиционное монгольское певческое искусство *хоомей*». Сюда же можно отнести историю включения юрты, внесенную в разное время двумя государствами. Монголия включила ее в 2013 г. под названием «Традиционная монгольская юрта и связанные с ней обряды», а Казахстан — в 2014 г., назвав проект «Юрта» [16].

К сожалению, публикация в «Информполисе» содержит недостоверные факты, вводящие в заблуждение читателей. Например, некорректно утверждение о том, что наиболее архаичным является бурятский героический эпос, и что он впервые записан в 1906 г. в Иркутской области бурятским ученым Ц. Жамцарано [14]. Известный исследователь «Гэсэра» Б.С. Дугаров пишет, что, несмотря на нерешенность проблемы взаимосвязи монгольских и тибетских версий эпоса, многими учеными «признано, что колыбелью Гэсэриады... являются Амдо и Кукунор. Согласно историческим данным, эта территория... издавна служила контактной зоной тюрко-монгольских и тибетских племен. Здесь, по предположению Ц. Жамцарано, в среде предков монголов <...> могла зародиться монгольская версия Гэсэриады» [17, с. 264].

Осенью 2013 г. журналист С. Басаев опубликовал в интернет-журнале «Asia Russia Daily» статью в четырех частях, толчком к ее написанию также явилось включение эпоса «Gesar» в Список. Статья рассматривает историю бытования «Гэсэра» в СССР, выявляет объективные причины неготовности Бурятии к подаче заявки в ЮНЕСКО. Журналист подчеркивает, что в СССР и впоследствии в РФ популярным, широко известным народу является созданный писателем Н.Г. Балдано сводный текст эпоса (1946). Он написан по государственному заказу на основании постановления СНК СССР (1940) к планируемому юбилею эпоса на основе записей, сделанных ранее бурятскими учеными у Маншута Эмегенова (эхиритбулагатская версия) и Пеохона Петрова (унгинская версия) [18]. Юбилей эпоса не состоялся из-за начавшейся Великой Отечественной войны. С. Басаев считает, что сводный текст был подготовлен в СССР по трем причинам: первая — нереальность научного издания в тот период многочисленных версий эпоса; вторая — с целью «за столбить» памятник как культурное наследие бурят-монгольского советского народа в противовес претензиям Китая на первенство; в-третьих — продемонстрировать миру еще одну грань расцвета национальных культур в СССР [19].

История изучения «Гэсэра» в СССР так же, как и «Gesar» в КНР, прошла этапы с противоположными векторами: годы возвеличивания сменялись годами гонений. Во второй половине XX в. ситуация, наконец, стабилизировалась. В 1980-е гг. в

Улан-Удэ и Москве опубликовано два издания сводного текста Н.Г. Балдано, заново переведенные на русский язык. В 1995 г. Институт мировой литературы РАН издал в Москве академическое издание одной из версий эпоса — «Абай Гэсэр могучий», тогда же издан новый научный перевод уже издававшегося улигера Маншута Эмегенова «Абай Гэсэр хубуун» и т. д. В 1995 г. в Бурятии отметили на государственном уровне тысячелетие эпоса «Гэсэр» [19].

По сравнению с приведенной выше информацией из «Информполиса» публикация С. Басаева более объективна и достоверна. Однако их объединяет акцент на факте игнорирования КНР трансграничного характера памятника культуры, уклонение от сотрудничества с РФ по данному вопросу. В 4-й части публикации, в разделе «Россия и Китай в борьбе за “Гэсэр”», С. Басаев обращает внимание на то, что в заявке Китая в ЮНЕСКО эпос однозначно характеризуется как великое культурное наследие братских народов государства. Далее, справедливо отдавая дань Китаю, он пишет: «В споре за приоритет над эпосом у Китая имеются серьезные аргументы. Письменная версия эпоса на монгольском языке... была впервые издана в Пекине. ... В китайской провинции Цинхай на границе с Тибетским автономным районом... давно построен “музей Гезара” с его “гробницей” и памятником. В среде ученых ходят легенды, что существует некий тайный тибетский письменный вариант “Гэсэра”, который якобы состоит из 16 рукописных томов и находится “под семью замками” в одном из тибетских буддистских монастырей в Ладакхе или в Тибете» [20].

Полевые экспедиционные материалы научных сотрудников Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, собранные в Тибете в 2013 г., свидетельствуют о наличии более 100 практикующих исполнителей, старых, молодых и женщин — они каждый раз создают собственную версию, не зависящую от канонического письменного текста [17, с. 263]. Б.С. Дугаров, член экспедиции, замечает: «В последние годы в Китае ведется планомерная работа по изучению эпоса “Гэсэр” и его пропаганде на уровне государственной политики. Об этом свидетельствует проведение шести международных конференций по Гэсэриаде <...> В Ланьчжоу в 2004 г. прошла юбилейная конференция, посвященная 1000-летию эпоса. <...> Обращает внимание “тибетский” акцент в проведении конференций: из них только одна состоялась на территории Внутренней Монголии (1993), все остальные — в регионах традиционного проживания тибетцев» [17, с. 264].

Как видно, в публикациях бурятских СМИ никто не оспаривает сам факт включения эпоса «Gesar» в список шедевров НКН человечества ЮНЕСКО. Вопрос вызывает лишь то, что Китай в этом конкретном случае не принял во внимание трансграничный характер памятника, хотя ЮНЕСКО, да и сама страна, практикуют включение природных и культурных памятников человечества под эгидой нескольких стран. Например, это Убсунурская котловина (2003), локализованная на трансграничной территории (юг Республики Тыва и северо-запад Монголии), Ландшафты Даурии (Landscapes of Dauria, 2017), включающие российскую (Забайкальский край) и монгольскую часть Даурской степи [21, с. 18]. Китай вместе с Монголией включили в Список протяжную песню — традиционные длинные народные песнопения «Уртын-дуу» (2005, 2008). «Соколиная охота — живое наследие человечества» (2010, 2016) внесена в Список под эгидой 19 стран, среди которых Монголия, Казахстан, Саудовская Аравия, ОАЭ, Австрия, Бельгия, Испания, Франция, Германия, Венгрия, Италия, Марокко, Пакистан, Португалия, Катар, Словакия, Сирия, Чехия, Южная Корея [16].

В феврале 2016 г. появилась информация о том, что республики Алтай, Тува, Хакасия и Кузбасс создали рабочую группу по подготовке заявки на включение в Список горлового пения *кай* в качестве традиционного искусства народов Центральной Азии, так как им владеют также народы Монголии и урянхайцы Китая. Там же отмечается, что традиционное искусство горлового пения народов Центральной Азии (алтай-

цев, тувинцев, хакасов, шорцев) имеет аналогии с культурным объектом *хоомей* [22]. Монголия провела огромную работу по включению в Список памятников кочевнического мира, многие из которых практиковались и бурятами [23]. Однако в Бурятии не было ни одной публикации, опротестовавшей эту колоссальную работу страны, сконцентрировавшей в современном глобальном мире все самое ценное из степной эстетики мобильности, также нередко имеющей трансграничный характер [23].

Приведенные материалы позволяют сделать следующие выводы. Исследование истории включения под эгидой Китая в 2009 г. трансграничного памятника культуры эпоса «Gesar» в Список является позитивным событием, результатом целенаправленной политики государства по сохранению и защите НКН страны и, косвенно, мировым признанием уникальности всех вариантов эпоса, в том числе из РФ. В публикациях региональных СМИ неправильно расставлены акценты: отсутствие эпоса «Гэсэр» в списках шедевров нематериального культурного наследия человечества — это проблема общественности, государственных органов и научного сообщества Бурятии и Иркутской области, а не Китая. Судя по мировому опыту, включение НКН трансграничного характера в Список, приведенный здесь, может иметь практическое значение.

Статья подготовлена в рамках государственного задания. Проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество» (номер госрегистрации АААА-А17-117021310269-9).

Литература

1. Тулохонов М.И. Бурятский героический эпос «Гэсэр» // Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос. М., 1995. С. 446–476.
2. Мифы народов мира. В 2 т. / под ред. С.А. Токарева. М.: «Российская энциклопедия», 1994. Т. 1. 671 с.
3. Эпос «Гэсэр» — орудие панамериканизма или культурное наследие человечества [Электронный ресурс]. URL: <https://newbur.ru/n/30773/> (дата обращения: 19.01.2020).
4. Жамбалова С.Г. Проблемы сохранения нематериального культурного наследия народов Бурятии и Якутии в XXI в. // Вестн. Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры. 2019. № 1 (9). С. 57–69.
5. Волкова О. Драпеко рассказала, почему РФ не приняла конвенцию ООН об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс] // URL: <https://www.pnp.ru/social/>(дата обращения: 22.01.2019).
6. Октябрьская И.В. Концепция культурного наследия: мировой и российский опыт формирования // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2013. Т. 12, № 3. С. 20–31.
7. Шулбаев О.Н., Новоселова Н.В. ЮНЕСКО и российский опыт сохранения нематериального культурного наследия на современном этапе [Электронный ресурс] // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2017. № 1 (115). С. 108–110. URL: <http://kn.lib-i.ru./27kulturologiya> (дата обращения: 22.01.2019).
8. Лапунов В. ГД РФ: России нужен закон о сохранении нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]. URL: <http://aszk.ru/prochee/index-kimbel-2/item/3787>(дата обращения: 22.01.2019).
9. Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в Китае. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 25.01.2020).
10. Лемешко Ю.Г. Охрана нематериального культурного наследия в Китае: региональные центры по производству народных картин няньхуа // Уч. записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. 2013. Т. 2, № 4 (16). С. 9–14.
11. Цзи Юешэн. Охрана нематериального культурного наследия как приоритет государственной политики КНР // Вестн. МГЛУ. 2016. Вып. 2 (741). С. 325–335.
12. Ли На. Правовая охрана нематериального культурного наследия в Китае // Исторические, философские, политические и юридические науки, культу-

- рология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (68). Ч. 2. С. 121–124.
13. Саракаева Э.А. Охрана культурного наследия Китая в освещении средств массовой информации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 4. С. 122–127.
  14. Китай намерен «присвоить» героический эпос народов Центральной Азии «Гэсэр» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.infpol.ru> (дата обращения: 26.01.2020).
  15. Эпос «Манас» внесен в список культурного наследия ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: <https://gia.ru/20131205/982050792.html> (дата обращения: 29.01.2020).
  16. Список шедевров устного и нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/iki> (дата обращения: 21.01.2020).
  17. Дугаров Б.С. Тибет и тибетский мир // Вестн. Бурят. науч. центра Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. 2013. № 4 (12). С. 259–265.
  18. Басаев С. «Гэсэр»: битва за эпос продолжается [Электронный ресурс]. Ч. 1. URL: <http://asiarussia.ru/articles/697/> (дата обращения: 21.01.2020).
  19. Басаев С. «Гэсэр»: битва за эпос продолжается [Электронный ресурс]. Ч. 2. URL: <http://asiarussia.ru/articles/705/> (дата обращения: 27.01.2020).
  20. Басаев С. «Гэсэр» битва за эпос продолжается [Электронный ресурс]. Ч. 4. URL: <http://asiarussia.ru/articles/734/> (дата обращения: 27.01.2020).
  21. Жамбалова С.Г. Всемирное наследие Восточной Сибири и Монголии в списках ЮНЕСКО // Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития: материалы Всерос. междунар. научно-практ. конф. Улан-Удэ, 2019. С. 17–24.
  22. Хоомей планируют включить в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tuvaonline.ru> (дата обращения: 29.01.2020).
  23. Жамбалова С.Г. Культурное наследие Монголии в списках ЮНЕСКО: степная эстетика мобильности // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 50–56.